

Гуманитарность и гуманность: неоднозначность связи*Е.В. Золотухина-Аболина**Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-44-54

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматривается соотношение понятий гуманитарности и гуманности, которые автор отмежевывает друг от друга, отделяя их также от понятия гуманизма. Автор считает, что понятия эти часто смешиваются и спутываются, они образуют «смысловое облако», интуитивно ухватываемое в качестве целостности и отсылающее нас к образу человека как центра повседневного мира и предмета обсуждения в этике, эстетике, психологии, а также философии и других «свободных искусствах». Эти понятия, тем не менее, нуждаются в различении. Если гуманизм представляет собой теоретико-концептуальную установку на рассмотрение человека как свободного, самостоятельного и активного существа, то гуманитарность является, с точки зрения автора, литературной (философской и художественной) формой высказываний о человеке. В то же время гуманность выступает характеристикой поведения и тех установок, которые это поведение мотивируют, – это мотивы доброты, человеколюбия, благожелательности. В статье представлена попытка раскрыть основные черты гуманитарности, а также показано, что гуманитарные тексты далеко не всегда бывают текстами, исходящими из установок гуманности и проповедующими гуманность. Литературное, обращенное к теме человека размышление не несет в себе необходимости доброты и благожелательности. В статье приводятся примеры как совпадения гуманитарности и гуманности, так и их расхождения. Автор указывает на наличие гуманитарных, но отнюдь не гуманных текстов, одним из которых трудно приписать человеколюбие, а другим – оптимизм. Автор полагает необходимым не смешивать близкородственные понятия, обозначающие, тем не менее, разные аспекты жизни и культуры.

Ключевые слова: гуманность, гуманитарность, естественно-научный подход, гуманизм, человек, эссеистический способ изложения, аксиологизм, интерпретативность, доброта, оптимизм.

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

elena_zolotuhina@mail.ru<http://orcid.org/0000-0002-5954-2758>

Цитирование: Золотухина-Аболина Е.В. (2018) Гуманитарность и гуманность: неоднозначность связи // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 44–54.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-44-54

Humanity and Humanitarianism: An Ambiguous Connection

E.V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-44-54

Original research paper

Summary

The article discusses the relationship between the concepts of humanitarianism and humanity, which the author dissociates from each other, also separating them from the concept of humanism. The author believes that these concepts are often confused, they form a “semantic cloud,” intuitively comprehended as integrity and referring us to the image of man as the center of the world and the subject matter of discussion in ethics, aesthetics, psychology as well as philosophy and other “free arts.” However, these concepts need to be distinguished. Humanism represents a conceptual theoretical setting for considering a person as a free, independent and active being, while, in the author’s opinion, humanitarianism is a literary (philosophical and artistic) form of statements about a person. At the same time, humanity is meant as a characteristic of behavior and attitudes that motivate this behavior, such as the motives of kindness, philanthropy, benevolence. The article reveals the main features of humanitarianism and also shows that humanitarian texts are not always texts originating from attitudes of humanity and pursuing humanity. Literary reflection on the subject of a man does not necessarily need kindness and benevolence. The article provides examples of both the coincidence of humanitarianism and humanity and their divergence. The author draws attention to the existence of humanitarian but not humane texts, some of which cannot be attributed as philanthropic and other ones – as optimistic. The author considers it necessary not to confuse closely related concepts, denoting different aspects of human life and culture.

Keywords: humanity, humanitarianism, natural-scientific approach, humanism, man, essayist way of exposition, axiology, interpretative, kindness, optimism.

Elena Zolotukhina-Abolina – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University.

elena_zolotuhina@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5954-2758>

Citation: Zolotukhina-Abolina E.V. (2018) Humanity and Humanitarianism: An Ambiguous Connection. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 44–54.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-44-54

Постановка проблемы

Путаница между близкими понятиями, употребление их в неверном значении – нередкая беда текстуальной сферы науки и культуры, особенно сферы философского знания, где рождение новых понятий порой происходит хаотично и обвально, ибо каждый автор стремится создать свой язык и собственный способ описания мира. Впрочем, авторское своеволие не всегда является главной причиной появления близкородственных, но не тождественных выражений, которые потом служат предметом толкования. Дело в том, что само наше мышление осуществляется не полностью в языке, а частично – в форме размытых смысловых паттернов, которые пересекаются и сплавляются между собой, образуя нечто вроде «смысловых облаков», включающих компоненты различных значений. Такое «смысловое облако», интуитивно ухватываемое в качестве целостности, образуют понятия *гуманизма, гуманности и гуманитарности*, отсылающие нас к образу человека как центра повседневного мира и предмета обсуждения в этике, эстетике, психологии, а также философии и других «свободных искусствах». Мы как бы сразу понимаем, о чем идет речь, и дальнейшая дифференциация порой представляется даже излишней. А между тем, достаточно устойчивая практика употребления этих понятий говорит нам об обратном. *Гуманизм, гуманность и гуманитарность* – это близкие, но разные понятия, они указывают нам на разные грани человеческой реальности. В предлагаемой читателю статье мы рассмотрим, в первую очередь, соотношение понятий гуманности и гуманитарности, чтобы убедиться, что, частично совпадая, они могут находиться в сложных отношениях друг с другом или, во всяком случае, серьезно расходиться по смыслу и пафосу.

Что такое «гуманитарность» и что – «гуманность»?

И все же несколько слов необходимо сказать о гуманизме, чтобы отмежеваться от этого термина, порой тяготеющего к универсальности. Гуманизм – философско-теоретическое направление, которое, как мы знаем, в отчетливой форме складывается в Европе в эпоху Возрождения и воспекает человека как свободное существо, способное творить самого себя [Межуев 2000]. А.Ф. Лосев писал по этому поводу: «Нам представляется, что гуманизм есть, во-первых, типичное для Ренессанса свободомыслящее сознание и

вполне светский индивидуализм. Но чтобы подчеркнуть специфику этого термина, будем, во-вторых, считать гуманизм не просто светским свободомыслием, но по преимуществу общественно-политической и гражданской стороной этого последнего, исторически прогрессивной его стороной, включая всякие формы утопизма, педагогической и бытовой и, в конце концов, просто практической и моральной стороной этого свободомыслия» [Лосев 1982, 72]. И далее А.Ф. Лосев пишет о такой черте ренессансного гуманизма как титанизм, который выражался, в том числе, в игнорировании моральных и социально-религиозных норм, в беспредельном самоутверждении индивидов всеми способами, несмотря на то, что это влекло за собой разрушения и страдания. Если исходить из образа ренессансного гуманизма, описанного А.Ф. Лосевым, то мы можем сказать, что впоследствии в западной культуре формируются два концептуально-оформленных «гуманизма»: с одной стороны, гуманизм, близкий к гуманности, основанный на человеколюбии, доброте и стремлении ко всеобщей гармонии (и этот гуманизм не чужд христианству), а с другой стороны – сугубо светский «гуманизм-титанизм», поворачивающий реки вспять, создающий на месте гор пустыни, жаждущий сделать людей киборгами и всю действительность перекроить согласно человеческому волеизъявлению (порой – капризу). Однако, в любом случае гуманизм – это концепция, и далее мы говорить о ней не станем, сосредоточив внимание на соотношении гуманности и гуманитарности.

Гуманитарное как характеристика знания изначально противостоит *естественнонаучному*, с его единством эмпирического и рационального, а также прикладной точностью технических наук. Гуманитарные науки (дисциплины), дающие нам пример гуманитарного видения, были в свое время осмыслены В. Дильтейем как «науки о духе», обращенные к человеческому переживанию, к потоку жизни, к трудно членимым внерациональным началам человеческого [Дильтей 2000]. Они были противопоставлены изучению природы, требующему объективизма и рассудочности. Современные авторы отмечают, что В. Дильтей ведет речь о гуманитарности, критикуя рационализированную метафизику и стремясь выйти за ее пределы. Так, Л.Ю. Писарчик указывает: «Под гуманитарными науками (то есть науками о духе) Дильтей понимает экономику, право, политическую науку, филологию, поэтику, риторiku, историю, этику и эстетику. Все эти науки объединяет то, что они непосредственно касаются человека, и немецкий философ хочет найти и обосновать единство данных наук. Этой цели и служит его “Введение в науки о духе”. Если Кант ставил вопрос “как возможна наука?”, то Дильтей ставит вопрос

“как возможны гуманитарные науки?”, “как возможна историческая наука?”. Прежде всего он выступает против позитивистской установки на перенесение в гуманитарные науки методов физики и разрабатывает вопрос о границах естественнонаучного познания, причем делает это раньше Риккерта, решавшего аналогичную задачу в работе “Границы естественнонаучного образования понятий”... Дильтей... сделал попытку стать выше разделения природы и духа, что выразилось в полагании в качестве основы гуманитарных наук “самой жизни” и в изучении “объективаций жизни” при исследовании духовных явлений. При этом автор “Введения в науки о духе” стремился разработать методологию гуманитарного познания, способную обеспечить достоверность и объективность гуманитарных наук» [Писарчик 2011, 72]. В отличие от В. Дильтея, Г. Риккерт склоняется к тому, чтобы говорить о «науках о культуре», дабы избежать спутывания между гуманитарностью и психологией. «Только в том случае, – пишет он, – если со словом “дух” связывать значение, которое принципиально отличалось бы от термина “психическое”, обозначение неестественнонаучных дисциплин через выражение науки о духе получает настоящий смысл, и слово это раньше действительно имело такое значение. Но тогда под духом понимали нечто неотделимое от понятия ценности, а именно “высшую” душевную жизнь, такую, которая, протекая в общепризнанных формах и отличаясь ценными особенностями, может возникнуть только в культуре... Следовательно, это значение выражения “науки о духе” сводится в конце концов к тому, что мы понимаем под наукой о культуре...» [Риккерт 1995, 91–92]. Стоит добавить, что большой вклад в определение гуманитарности был внесен герменевтикой Г.-Г. Гадамера [Гадамер 1988] и философскими штудиями М.М. Бахтина [Бахтин 1997].

Гуманитарные дисциплины – история, литературоведение, искусствоведение, теория культуры, а также философия, этика, эстетика, философия религии, экзистенциальная психология и т.д. – в силу своей обращенности к человеку обладают рядом ярко выраженных черт, о которых пойдет речь ниже.

1. Гуманитарные дисциплины неизбежно должны учитывать *фактор свободы*, делающий невозможным непреложное установление однозначного закона, подобного закону всемирного тяготения или закону теплового расширения газов при нагревании.

2. Они обращаются к субъективности и, более того, к личности и индивидуальности, что делает их интерпретативными, толкующими.

3. Гуманитарные дисциплины являются аксиологичными, они буквально пронизаны ценностными ориентациями и оценками, причем оценками порой весьма субъективными, опять

же личностно окрашенными. Интересно, что даже там, где гуманитарный текст трактует внеаксиологические подходы (например, в популярной мистико-эзотерической литературе, призывающей «уйти от оценок»), он все равно выступает как оценочно-ориентирующий (рассудок и оценка – плохо, состояние присутствия – это хорошо).

4. Гуманитарность глубоко связана с текстуальностью, причем текстуальностью свободной, тяготеющей к эссеистическому способу выражения. Она опирается на литературный вариант повседневного языка, предполагает образность, метафоричность, вольный характер аргументации, обращается лично к читателю, порой непосредственно от имени автора, активно апеллирует к эмоциям. Ей не чуждо изложение плодов воображения, фантазий, снов, явно нереалистических проектов и моделей. Для нее возможно придание новых смыслов старым терминам, не обремененное объяснениями, и введение новых, что мы наблюдаем у многих авторов XX в. Здесь уместен *игровой* подход, хотя возможен и подход проповеднический, пропагандистский и даже оракульский. В гуманитарной мысли, где невозможен эмпирический эксперимент, *тексты рождают тексты*, здесь постоянно слышится перекличка разных авторских голосов, идет нескончаемый диалог всех со всеми. Таким образом, гуманитарность не сводится к теории, это вид словесного искусства, литературы, искусствоведческих размышлений и штудий.

5. Для гуманитарного текста особо значимым является социокультурный контекст, вне которого понять что-либо не представляется возможным.

6. Гуманитарность умозрительна с одной стороны, там, где она трактует вопросы мироздания, человечества как целого и запредельности, но автобиографична и конкретна там, где речь идет о непосредственно пережитом автором: чувствах, мыслях, концепциях и проектах.

Подводя черту под кратким описанием гуманитарности, можно сказать, что это способ мышления и словесного творчества, обращенный к человеку и видящий мир через призму человека, однако по своему содержанию этот способ далеко не всегда пересекается с идеями гуманизма, также как и с идеями *гуманности*, мышья которой мы постараемся сейчас раскрыть.

Если гуманизм – это концептуальное видение места и роли человека в мире, а гуманитарность – это свободный, приближенный к эмоционально-ценностной и чувственно-волевой сфере способ говорения о человеке и мире, то гуманность – это определенный конкретный способ поведения, включающий в себя ряд установок, но, как всякое поведение, не сводящийся к ним.

Из современных работ, включающих в себя рассмотрение понятия гуманности, наиболее интересной является докторская диссертация Л.А. Швачкиной. В тезисах, выносимых на защиту, она пишет: «Христианские философы и культурологи XX века, развивая культурную христианскую традицию, активно обсуждали целый ряд тем, непосредственно связанных с идеей и практикой гуманности. Они выделяли в качестве актуальных следующие аспекты: необходимость прощения (К. Льюис); моральная ответственность и необходимость жить для других, сострадать им (Д. Бонхёффер); благоговение перед жизнью и воля к жизни (А. Швейцер); основание гуманности в интимной (сердечной) близости человека и Бога (Б.П. Вышеславцев). В целом, для эволюции взглядов философов и культурологов характерен в вопросах гуманности отказ от спекулятивных метафизических построений и обращение к практике коммуникации... Гуманность... находится за пределами устремлений “переделать” человека и мир. Благожелательность и стремление помочь другому ни в коем случае нельзя редуцировать и приравнивать к стремлению исправить существующий порядок вещей. Гуманность всегда диалогична, тогда как гуманизм скорее моноцентричен и монологичен. Гуманность на уровне сознания и на уровне практики в большей степени, чем гуманизм связана с опытом повседневности» [Швачкина 2009].

Если опереться на предложенные определения, то можно сказать, что гуманность – это милосердие и доброта в действии, она может принадлежать как верующему, так и нерелигиозному человеку, главное – стремится ли он избавить другого от страданий, причем от страданий как физических, так и моральных, психологических, а также дать ему надежду на лучшее и веру в возможность улучшений.

Этот последний пункт хочется подчеркнуть особо. На наш взгляд, гуманность тесно связана с *оптимизмом*, о чем говорит нам концепция А. Швейцера. Но что такое оптимизм? Подлинный оптимизм, полагает Швейцер, это вовсе не «розовые очки», через которые действительность видится не похожей на себя, искаженной. «Он состоит в стремлении к осознанному идеалу, который внушает нам глубокое и последовательное утверждение жизни и мира» [Швейцер 1973, 111]. В основе мира лежит воля к жизни, глубинная сущность этой воли – желание прожить жизнь. Оптимизм и есть выражение воли к жизни, а не сладкие фантазии и грезы. Только оптимистическое жизнеутверждающее мировоззрение способно быть истинно моральным и побуждать человека действовать во имя культуры. Пессимизм же – это пониженная воля к жизни, не способная ничего созидать.

Подлинная гуманность оптимистична, она противостоит унынию, депрессии, тоске, чувству тупика и бесперспективности. Антигуманно не только то, что грозит и пугает, порождает конфликт, злобу и ненависть, не только то, что приносит страдания, лишает благ, но и то, что заставляет опустить руки, сдаться, сникнуть, отказаться от жизни и надежды. Гуманность, в свою очередь, есть не только ситуативная доброта и благоволение, но и настойчивый призыв к жизни и радости, вера в лучшее. И в этом отношении гуманитарность и гуманность нередко оказываются весьма разными явлениями культуры.

Совпадение и несовпадение гуманитарности и гуманности

С одной стороны, гуманитарность и гуманность (как и гуманизм) растут из одного корня: это виды деятельности и поведения, а также идеи, связанные с местом и ролью человека в мире, с ценностью внутреннего мира и коммуникации, с другой – гуманитарность, скорее, является *специфической формой*, которая может нести как гуманное, так и антигуманное содержание. Часто это содержание противоречиво: в нем перемежаются и смешиваются разные пласты – гуманного и негуманного плана.

Приведем некоторые примеры гуманитарных, но отнюдь не гуманных текстов, одним из которых трудно приписать человеколюбие, а другим – оптимизм. На ум, разумеется, в первую очередь приходят тексты Ф. Ницше, совершенно блестящие по своей художественной форме, но полные раздражения против совершенного человечества: «Мне кажется, – пишет Ницше, – что деликатность, больше того, тартюфство ручных домашних зверей (я хочу сказать, современных людей, я хочу сказать, нас) противится тому, чтобы в полную мощь представить себе, до какой степени *жестокость* составляла великую праздничную радость древнейшего человечества, примешиваясь, как ингредиент, почти к каждому его веселью; сколь наивной, с другой стороны, сколь невинной предстает его потребность в жестокости, сколь существенно то, что именно “бескорыстная злость” (или, говоря со Спинозой, *sympathia malevolens*) оценивается им как *нормальное* свойство человека...» [Ницше 1990, 446]. Это лишь небольшой фрагмент размышлений, полных глубоко отвращения к современникам и их жизненным позициям. Вообще всякий философ-обличитель, какие бы благородные цели он субъективно ни преследовал, выступает с достаточно антигуманными текстами, и это относится как к религиозным фанатикам, обличающим иноверцев или отступников, так и к поборникам революции, призывающим истребить некоторую часть человечества во имя блага оставшихся.

Не в меньшей степени отличаются негуманностью произведения грустных скептиков, а также пессимистов, рассматривающих людей как существ, полных враждебности друг к другу. Когда Ж.-П. Сартр пишет: «...мой проект возобновления себя является существенно проектом поглощения другого» [Сартр 2000, 380], то очевидно, что его понимание человека негуманно, хотя другое свое популярное произведение он называет «Экзистенциализм – это гуманизм» (вновь игра понятий: гуманизм, где человек видится как одинокий боец, сражающийся с абсурдностью мира, есть гуманизм вовсе не гуманный, он не предполагает ни доброты, ни жизнерадостности). Скептик Ясперс, уповающий на безымянную трансценденцию, в конце своей трехтомной «Философии» в философских же выражениях излагает мрачный и печальный взгляд на человека, перефразируя христианскую тему греха: «Заносчивость самобытия привела к отпадению; принцип индивидуации сам по себе есть тогда зло, а смерть и всякая гибель – шифр необходимости возвращения и искупления вины конечного бытия» [Ясперс 2012, 285]. И даже у милейшего Клайва Льюиса [Льюис 1992], пишущего о любви и страдании, порой встречаются такие жестокие пассажи, обращенные к неверующим, что трудно заподозрить его блестящие гуманитарные тексты в высокой гуманности.

Возникает вопрос: а много ли на самом деле гуманитарных текстов, которые соответствовали бы требованиям практической гуманности? Думается, такие тексты нередко принадлежат писателям и психотерапевтам. Так, несомненно, гуманными являются тексты Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, К.Г. Паустовского: Толстой и Чехов полны сочувствия к людям и желания хоть как-то улучшить их жизнь, а Паустовский так описывает прелесть и красоту мира даже в самых трудных житейских обстоятельствах, что это само по себе помогает. Из психотерапевтов несомненными гуманистами выступают Э. Фромм [Фромм 1993] и А. Маслоу [Маслоу 2002], свято верящие в доброту и изначальную красоту человеческой природы и желающие передать свое мироощущение читателю. Как ни странно, достаточно гуманны тексты С. Грофа [Гроф 1997], хотя речь в них идет о трансперсональности, т.е. о преодолении конкретной земной формы человека, однако, поскольку, согласно Грофу, само человеческое «я» остается самосознающим и чувствующим, то этому «я» прочтется блистательная перспектива бессмертия и вечности. Та же тема бессмертия и райских перспектив, оптимизма и веры в будущее звучит и в сочинениях Н.О. Лосского [Лосский 1998]. Если представить его текст в красках, то он – белый и золотой, сияющий, весь как заря, но не вечерняя, а обещающая свежий, бодрый и спокойный день.

Это «день вечности» с Богом, это день гармонического единства всех субстанциальных деятелей – от мала до велика, от ангела до последней лягушки, и от человека до элементарной частицы. Рай в работах Лосского представляется совершенно реальным, всегда существующим и, в принципе, всегда доступным, незримо охраняющим каждого, кто готов отказаться от вредоносного себялюбия и эгоизма. Вечная жизнь в Раю в гармоничном союзе со всеми бесчисленными персонами-монадами – это не пустая фантазия, не недоступная мечта, а то, что ближе всего человеку.

А вот гуманитарные штудии И. Ялома, в частности, в его «Экзистенциальной психотерапии» [Ялом 1999], не всегда отличаются гуманностью. В них есть сартровская суровость, жесткое требование атеистического взгляда, признания окончательности смерти, что делает их чрезмерно ригористическими для того, чтобы гуманно осуществить помощь страдающей душе.

Так или иначе, гуманитарность и гуманность – вещи разные, необходимо не путать их, четко различать между собой, видеть их соотношение, которое бывает различным в разных конкретных случаях.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997.

Гадамер 1988 – *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.

Гроф 1997 – *Гроф С.* Космическая игра. – М.: Изд. Трансперсонального Института, 1997.

Дильтей 2000 – *Дильтей В.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.

Лосев 1982 – *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. – М.: Мысль 1982.

Лосский 1998 – *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Льюис 1992 – *Льюис К.С.* Просто христианство // *Льюис К.С.* Любовь. Страдание. Надежда. – М.: Республика, 1992.

Маслоу 2002 – *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Межуев 2000 – *Межуев В.М.* Гуманизм // Новая философская энциклопедия. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. С. 567–569.

Ницше 1990 – *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Poleмическое сочинение // Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. С. 407–534.

Писарчик 2011 – *Писарчик Л.Ю.* Основные аспекты методологии гуманитарного познания в работе В. Дильтея «Введение в науки о духе» // Вестник Омского государственного университета. 2011. № 7 (126).

Риккерт 1995 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. – М.: Юрист, 1995.

Сартр 2000 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. – М.: Республика, 2000.

Фромм 1993 – *Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993.

Швачкина 2009 – Швачкина Л.А. Гуманность в контексте культурных традиций Востока и Запада. Автореф. ... дисс. ... докт. ... филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – URL: <http://www.disscat.com/content/gumannost-v-kontekste-kulturnykh-traditsii-vostoka-i-zapada>

Швейцер 1973 – Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973.

Ясперс 2012 – Ясперс К. Философия. Книга 3. Метафизика. – М.: Канон+, 2012.

Ялом 1999 – Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 1999.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (1997) *On the Philosophical Foundations of the Humanities*. In: Bakhtin M.M. *Collected works in 7 volumes*. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method*. Moscow: Progress (Russian translation).

Grof S. (1997) *The Cosmic Game*. Moscow: Transpersonal Institute Publ. (Russian translation).

Dilthey W. (2000) *The Collected Works in 6 Volumes. Vol. 1: Introduction to the Science of the Spirit*. Moscow: House of Intellectual Books (Russian translation).

Losev A.F. (1982) *Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: Mysl (in Russian).

Lossky N.O. (1998) *The World as Exercise of Beauty. Basics of Aesthetics*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Lewis C.S. (1992) *Mere Christianity*. In: Lewis C.S. *Love. Suffering. Hope*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Maslow A. (2002) *Toward a Psychology of Being*. Moscow: EKSMO-Press (Russian translation).

Mezhuyev V.M. (2000) Humanism. In: *New Philosophical Encyclopedia* (Vol. 1, pp. 567–569). Moscow: Mysl (in Russian).

Nietzsche F. (1990) *On the Genealogy of Morality: A Polemic*. In: Nietzsche F. *The Collected Works in 2 Volumes* (Vol. 2, pp. 407–534). Moscow: Mysl (Russian translation).

Pisarchik L.Yu. (2011) The Main Aspects of the Methodology of Humanitarian Knowledge in the Work of W. Dilthey “Introduction to the Science of the Spirit.” *Vestnik OGU = Bulletin of the Omsk State University*. 2011. No. 7 (in Russian).

Rickert G. (1995) Science of Nature and Science of Culture. In: *Cultural Studies. Twentieth century*. Moscow: Yurist (Russian translation).

Sartre J.-P. (2000) *Being and Nothingness*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Fromm E. (1993) *Psychoanalysis and Ethics*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Schweitzer A. (1973) *Culture and Ethics*. Moscow: Progress (Russian translation).

Jaspers K. (2012) *Philosophy. Book 3. Metaphysics*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Yalom I. (1999) *Existential Psychotherapy*. Moscow: Klass (Russian translation).